

Ито Нозэ.

Публицистика

Источник: «Библиотека Анархизма», перевод с английского и японского языков на русский
— Учение Анархизма.

- [Медиатека](#)
- [Факты анархии](#)
- [Разговоры с бастующими женщинами](#)
- [Завещание \(часть из дневника\)](#)
- [Учителям](#)
- [Из дневников](#)

Медиатека

Факты анархии

МЫ ЧАСТО СЛЫШАЛИ, что идеал анархического коммунизма — неосуществимая фантазия. Все цепляются за суеверное убеждение, что автономия не может быть достигнута без поддержки центрального правительства. В частности, некоторые социалисты ... насмеваются над анархистской мечтой. Однако я обнаружила, что это не мечта, а нечто, аспекты чего были реализованы в автономии деревень, унаследованной от наших предков. В некоторых отдаленных районах, где нет так называемой «культуры», я обнаружила простую взаимопомощь ... и общественную жизнь, основанную на взаимном согласии. Это полностью отличается от «администрации» при центральном правительстве, будучи организацией взаимопомощи, созданной по необходимости и продолжавшейся параллельно с официальной администрацией еще до того времени, когда появился «административный орган».

Теперь я хочу описать факты, которые я видела лично в своей родной деревне...

Есть шестьдесят-семьдесят домов, разделенных на шесть небольших ассоциаций, и эти шесть ассоциаций объединяются друг с другом по мере необходимости... Нет никаких цепочек команд или должностных лиц. Дух ассоциаций, унаследованный от предков, заключается в том, чтобы «помогать друг другу в трудные времена».

... [На деревенских собраниях] каждый откровенно высказывает свои мысли... Здесь нет атмосферы страха, которая могла бы сделать человека слишком робким, чтобы он не мог высказаться... Фактически, нет никакой дискриминации, будь то деревенский хозяин или поденный рабочий... Нет ни высокомерия, ни смирения...

Как принимаются решения? Вместе. Как правило, если это практично или основано на четких фактах, тем более, если каждый предложил свои знания и мнения, решение будет принято спонтанно...

Когда больной человек должен лечь в постель, новость будет сообщена в ассоциацию. Члены поспешат к дому. Некоторые приведут врача, другие сообщат об этом его родственникам; они отправляются по этим поручениям или любезно ухаживают за ним...

Во время родов женщины ассоциации собираются вместе. Они позаботятся обо всем, пока мать не восстановится. Во всем остальном, когда бы ни потребовалась помощь, ассоциация предоставит ее без жалоб. Конечно, будут две или три семьи, не пользующиеся расположением членов. Что касается помощи таким семьям, то, хотя члены могут говорить о них плохо или даже жаловаться, они никогда не откажут в помощи, поскольку они различают свою работу для ассоциации и свои личные антипатии.

Административные задачи распределяются между членами. Если конкретная задача длительная, смены организуются так, чтобы не было неудобств. Ответственность каждого

члена перед ассоциацией не является принудительным или недобровольным. Он выполняет свою роль следуя своей совести... Никакие команды или надзор не нужны...

После удовлетворительного решения конкретной задачи ассоциация, созданная для этой цели, распускается. Единицей федерации [в каждой деревне] является не ассоциация, а каждый дом...

Полиция, похоже, бесполезна для ассоциации. Ссоры в основном улаживаются ассоциацией... Пара из определенной семьи что-то украла, у жертвы были доказательства и предварительные знания. Пострадавшая семья вызвала пару [в ассоциацию] и отчитала их. И жертвы, и воры согласились в качестве урегулирования вопроса на объявление, что пара будет исключена из собрания, если они снова совершат преступление...

Изгнание — это последнее, что может быть. Когда кто-то получает это наказание, никто не смеет общаться с ним... Поэтому все думают о серьезности этого наказания и не налагают его на кого-либо, если только его поступок не является невыносимым. Насколько мне известно, я не слышала, чтобы хоть какую-то семью наказывали столь тяжким методом.

Эгоистическая городская жизнь невыносима для тех, кто привык к деревенской жизни, где нет никакой надежды на успех. Там, где лишь бедность, гораздо удобнее и теплее поддерживать друг друга под защитой товарищества.

Разговоры с бастующими женщинами

1.

Через двенадцать дней после начала забастовки и через восемь дней после первой встречи с капиталистами, я разыскала женщин, работающих в компании «Сансюся» в зале Мацумото в Канде

Многие из вас, должно быть, сталкиваются с другими и особыми проблемами, чем мужчины, но тот факт, что вы так долго доказывали свою солидарность..., - сказала я сразу после приветствий.

Но нет, хотя мы все назначены на разные должности в меру наших возможностей, некоторые из нас вчера вернулись на работу. Этому нет оправдания». «О да, я тоже уже слышала об этом. Поскольку забастовка длится уже больше двух недель, мы можем это понять. Жаль, что у них не было больше настойчивости, не так ли? Сколько женщин вышло на работу?» «Должно быть, три. Если бы они подождали до сегодняшнего дня, условия сегодняшней встречи могли бы быть более благоприятными. Все наши усилия пока не окупались! У них слишком мало настойчивости

Резолюция печатников утренней газеты подтвердила мне, что из-за предательства этих людей капиталисты внезапно стали непреклонными. Я уже представляла себе результат сегодняшнего заседания. Теперь я не нашла слов, подтверждающих это, в дискуссиях с этими женщинами, которые, казалось, ничего об этом не знали

Хотя изначально существовала готовность к тому, чтобы эта забастовка выдержала тяготы месяц или больше, случилось, что некоторые не выдерживали больше двух недель и возвращались к работе без каких-либо условий. Между двумя коллегами завязался честный разговор о том, почему эти немногие не говорили об этом открыто, если они были в невыносимой нужде день или два, хотя люди могли бы им как-то помочь – даже если бы все также страдали – если бы эти вещи были только высказаны. Они также говорили о том, что влияние одного или двух предателей могло бы быть в целом чрезвычайно большим на этой большой забастовке

Я взяла вместе со всеми остальными два больших рисовых пельменя, покрытых бамбуковыми листьями, и съела их. Хотя я чувствовала что-то знакомое, что тронуло меня до слез, и я приняла участие в кругу обсуждения до самого вечера.

2.

Естественно, истории не были для меня полностью неожиданными. Часть из них я уже читала и слышала. Часть из них я также могла себе представить из собственного опыта

Но хотя я давно это знала, меня очень глубоко тронуло общение с людьми, которые испытали это на самом деле и чувствовали это так горько. Пока я слушала рассказы этих женщин об их обычных условиях труда и других вещах, меня переполняло чувство, что требования забастовки о сокращении рабочего дня и повышении заработной платы не просто представляли собой способ сделать производство более эффективным, что часть капиталистов находит по вкусу, или что они исходят от мужской стороны, которая присоединяется ради образования и досуга, но скорее то, что эти требования особенно сильно нападают на действительно неразрешимые потребности этих женщин. Из комментариев этих девушек следует, что, хотя фабричный закон, к счастью, уделяет особое внимание женскому полу и детям как защищенным работникам, он не гарантировал им никакой защиты, поэтому капиталисты в основном пользовались им, чтобы не поднимать заработную плату одиноким работницам.

Они заставляют работниц работать долгое время по двенадцать часов между грязными, потрескавшимися досками. Они не могут сидеть, а должны все время работать стоя стоя. Они не обращают никакого внимания на их хрупкие тела. Им приходится носить тяжести и подниматься по лестнице, точно так же, если они беременны или больны; не будет принято во внимание, если девушка получит травмы из-за этого.

Сама работа кажется ужасной из-за запыленного воздуха на фабрике, и у меня мурашки по коже, когда в ходе этих обсуждений я узнала, что они заставляют их так много работать и при этом так хладнокровно разрушают их здоровье.

3.

Они также рассказали следующее:

«Раньше обычно приходилось работать с семи утра до одиннадцати вечера. Мы почти никогда не возвращались домой раньше полуночи. Если представить, как обстояли дела, то мы рады сегодняшнему двенадцатичасовому рабочему дню. В то время мы и мечтать не могли о выходном каждое воскресенье. Казалось неизбежным то, что зарплата не будет повышена в течение двух или трех лет на один сен (1/100 иены). Нас заставляли тяжело работать и обращались с нами так ужасно, как им только вздумается. Но мы молча терпели. Когда мы задумывается об этом, кажется невероятным, что мы вообще в состоянии выдержать это. Мы не можем представить себе что-то столь прекрасное и легкое, как восьмичасовой или шестичасовой рабочий день, и если бы это стало реальностью, двенадцатичасовой день, за который мы теперь так благодарны, показался бы самым ужасным»

Это правда. Большинству из них приходится работать вдвойне: дома и на фабрике

Молодые незамужние девушки, которым не приходится выполнять практически никакой работы по дому, работают на фабрике двенадцать часов и около двух часов тратят на дорогу. Из десяти часов, проведенных дома, у них остается, если вычесть два часа на еду или на одевание, только восемь часов; если они возвращаются вечером и после еды разговаривают с семьей и принимают ванну, то это еще два или три часа. Поскольку они так устали, они не могут делать ничего очень утомительного вне дома, например, учиться или убираться. Если компетентная молодая девушка занимается рукоделием всего один час, она сокращает время сна до четырех или пяти часов. Может ли она таким образом полностью восстановиться от усталости после рабочего дня? И теперь женщины, на которых возложены обязанности жен или матерей, в это столь жестко распределенное время заботятся о своих мужьях или детях. Приготовление еды, уход за всеми приборами, размышления о финансах, стирка белья в холодной или горячей воде и другие планы — все это ей приходится делать, в дополнение к ежедневной стирке грязных детских вещей. Все эти заботы они никоим образом не могут передать кому-то другому, даже если кто-то им помогает. Чтобы нормально работать, их ограниченный сон сокращается, и они должны отказаться от своих небольших выходных.

Понятно, что цивилизация предлагает нам различные методы и возможности для сокращения обычной работы по дому. Однако рабочий класс слишком нищий, чтобы ими воспользоваться. Благодаря этой цивилизации возникает странное явление, что самые праздные женщины имеют получают еще больше свободного времени, в то время как женщины, у которых нет возможности, вынуждены работать еще больше.

4.

«Работа на фабрике — настоящий яд для нашего здоровья. Я еще довольно крепка, но когда я немного болеваю и меня осматривает врач, он сразу понимает и без моих слов, что я работаю на заводе. Если мы хоть немного небдительны, что-то немедленно может произойти. Это ужасно! Иногда я замечаю, что у меня больше нет новостей от девушки, с которой я работала; тогда, когда я слышу о них, они либо больны, либо мертвы. Мы даже не знаем, сколько всего людей потеряли свое здоровье на фабрике. То же самое было и с нашими старшими сестрами», — говорит девушка, сидевшая рядом со мной, серьезным тоном, указывая на подругу рядом с собой.

5.

Я провела тот день и последующие дни некоторое время с рабочими. Хотя эти девушки оказались в печальном положении, когда их настоятельные требования были отклонены капиталистической жесткой рукой, они не видели будущего мрачным. Насколько же смелой есть их общая решимость добиться для себя, своими руками, без сомнения, реформы условий своего труда во всем! Я хотела бы здесь выразить радостное ожидание того, что, несомненно, в ближайшем будущем наступит день, когда огромная уверенность в себе этих

девушек, которые почти ни на что не полагаются и сами себя обучают, прольет новый яркий свет на будущее рабочих.

Завещание (часть из дневника)

Еще два месяца к твоему возвращению... Я знаю, что мы еще увидимся, но так не могу дождаться... И если бы я могла, я бы немедленно связалась с тобой.. Я хочу встретиться, однако последние два года прошли не так сладко, как мне хотелось, и ни разу за мои короткие двадцать три года жизни ничего не получилось в соответствии с моими ожиданиями. Это все так странно... Я продолжаю сдаваться только потому, что уже слишком поздно, и сдаваться я буду снова и снова. Я даже не могу встретиться с тобой! Я такая слабая... Я ничего не знаю о сопротивлении, я полностью подчинилась. Люди хвалят меня за мою послушность, хвалят за доброту... Знали бы они, как сильно я страдаю, и мне так неприятно слышать это все. Но как ни странно, у меня больше нет другого выбора, кроме как подчиниться, я не могу больше не быть доброй. Мне так грустно из-за своих проблем, но я устаю. Я продолжала напрасно бороться. Я родилась такой, что даже если заклятый враг попросит отдать меня свою жизнь, я отдам ее ему. И за последние двадцать три года я ни разу не жаловалась, никому не грубила... Когда я обычно пытаюсь отругать детей, которых я обучаю, я начинаю плакать первая. Мои младшие братья и сестры постоянно глумятся надо мной и ругают, а я в свою очередь никаким образом не могу им возразить... Остальные же делают мне комплименты, сближаются со мной, однако я всякий раз начинаю печалиться из-за своих внутренних противоречий: я не могу сближаться с ними в ответ, но и не могу сказать, что злюсь. И когда я практически мертва, никто уже не ненавидит меня. Я не могу ругать себя за упрямство и невозможность выжить. Я в таком беспорядке и печали... Я не в состоянии больше контролировать себя. Мое тело неспособно прожить долго, у меня нет никаких свобод, которые естественно даются людям... Господь Бог подарил мне лишь единственную свободу, и в своей жизни я отношусь к ней как к первой и последней... Я ухватилась за нее! И прошу, простите меня за нее... Мое долгожданное время наконец приближается, и кроме этого, я хочу сказать тебе, хотя я знаю, что ты не будешь таким, но все равно, пожалуйста, не сдавайся... Как я уже сообщала раньше, каждый раз, когда я проигрывала, я накладывала еще один слой. И уже сейчас, когда я хочу сбросить этот покров, он становится еще плотнее... У меня даже не осталось пространства, чтобы пошевелиться. Однажды ты сказал мне: «если представить себя мертвым, то можно сделать все, что угодно... Почему бы не принять что-то решительнее?». Но я повторю еще раз, я слабая! Я напугана до ужаса от незнания того, что будет после того, как я вырвусь из этой оболочки. «Мне дана лишь это свобода — это моя слабость. Даже сложнее, чем смерть, разобраться в этой окружающей меня лжи, чтобы найти свое истинное уродливое «я». Пожалуйста, помните, что у меня не было такой свободы, как у других. Нет ни одного дня, чтобы я счастливая проснулась и сказала: «сегодня мой день»!... Я не могу терпеть эту оболочку, однако я цепляюсь за нее, пока она сжимает меня... Этому не будет конца. Из-за этого я не могу двигаться, никто не сможет услышать мой истинный крик моей души. Я уже не надеюсь на «лучшую жизнь». Я больше не принимаю ни одной причины для

существования меня здесь, Я слабый человек, который не способен удержаться за так называемое «я». Мне напоминают, что само мое существование ничего не стоит, и я не могу больше с этим справляться. Когда я каждый день преподаю за кафедрой, несу чушь в учительской, никто не догадывается, что в глубине души я думаю: «я умру сегодня... Я умру завтра...». Наверное, никто и не заметит моей смерти, пока мое тело не обнаружат, и когда я об этом думаю, я чувствую себя неопишимо. Это моя единственная свобода!» — кричит моя душа. Единственное, что я смогла подтвердить — это бесконечное и абсолютное одиночество людей. Когда меня обнаружат, они, наверняка, будут болтать всякое, однако время постепенно, шаг за шагом, двигается. и спустя два-три года все перестанут. Все забудут о том, что когда-нибудь существовало существо с моим именем. Разве вопрос заключается не просто в незначительной разнице во времени, даже если жить хорошо? Как долго могут передаваться поступки и слова человека? Великая вселенная! Судьба! Это то, что сейчас нависает передо мной. Я больше не могу выносить необходимость обдумывать все это. Когда-то я верила в то, что зовется христианством, ради собственного спокойствия. Я получала похвалы от пасторов и евангелистов. Я была очень религиозной. Когда эту мою личность хвалили, я не могла не чувствовать себя плохо, я чувствовала, что склоняюсь к ложным учениям, я отклонялась. Примерно в это же время я наконец почувствовала, что улавливаю всю суть, это была судьба. Именно эта сила превратилась в то, что привыкли называть Богом. Я верю в судьбу, и эта сила начала полностью наполнять меня. Я также хочу быть послушной по отношению к этой загадочной силе, которая управляет вселенной. Когда я пишу это, я начинаю задумываться о том, что моя прошлая жизнь не была ложной. Я все таки двигалась в соответствии с судьбой! Так что я не думаю, что это напрасно. Не только я, но и все остальное — только люди, не задумываясь о судьбе, живут, каждый думает по-своему, и если их мысли оказываются верными, они считают это истиной, а если нет наоборот. Чем больше я об этом думаю, чем больше я пытаюсь это осознать, тем меньше я понимаю. Добро и зло — это названия, придуманные людьми... Ах, я уже буду заканчивать, стало как-то мрачно. Как-то я перестаю понимать, где проходит грань всего. Я считаю, что то, что я сейчас в моих мыслях, самое правильное и верное, и я буду придерживаться этого. Пожалуйста, согласись с этим и просто радуйся, что мое окончательное решение — это мой первой и последний настоящий поступок. Я перережу узлы, туго стягивающие мое тело с жизнью, и наконец-то обрету свободу, которую от меня отняли во всех смыслах. Пожалуйста, не ной мне ни на что.

Ах, я уже написала до этого момента? Нужно закругляться... Просто моя последняя просьба, как слабого человека, которым я оставалась до самого конца: проживите свою жизнь, как сильный человек, которого не сдерживает ничто. Это единственная моя просьба. Покориться — это не то, что сделал бы по настоящему осведомленный человек. Я верю в твою храбрость и страсть, чтобы сделать это [прожить жизнь сильно]. Прошу тебя, не забывай. Это не означает хвалю перед другими людьми, нет. Если пожертвуешь собою, выжмешь свою кровь и срежешь свою плоть, люди возрадуются, они похвалят тебя. Но, пожалуйста, не забывай, что похвала — это не то, ради чего стоит жить. Люди не должны привязываться ни к кому, однако, они должны сосредоточить всю эту привязанность к себе и сохранять ее. Это все мои слова. Я больше не задумываюсь об этом всем. Впервые в жизни я смогу осуществить самые сокровенные желания от всего сердца своими собственными руками. Как же будут рады люди, которые увидят уродливое тело, оставленное мною... Что я могу предположить? Я уже учла все обстоятельства, никто ничего не узнает. Я

единственная знаю. Через три дня, когда это письмо будет находиться у вас в руках, большая часть моих желаний исполнится. Впервые я удовлетворяю свои нужды самостоятельно. В первый и в последний раз. Прошу тебя, не нойте, пожалуйста. Я наполняюсь радостью при принятии этого решения. Но я одержима лишь вами, именно это заставило написать меня письмо такой длины. Ты меня утешаешь до сих пор, и я хотела бы поблагодарить тебя. Было так мучительно задумываться об этом... Пожалуйста, простите меня за все... Разорвите уже всю привязанность [ко мне]. Мы разделились. Мы должны были встретиться спустя два-три месяца, но обстоятельства так сложились, что это затянется на более долгий срок, чем ожидалось. Ну, я много написала... Есть много противоречий за которые я прошу простить меня. Мой разум в путанице и замешательстве... Простите за разлад, но я прекращу сейчас. Это последний... последний раз, когда я беру в руки кисть. Прощай, прощай... Я не хочу откладывать кисточку навсегда, но, прости, мне действительно придется, прощай!

Учителям

Я давно хотела что-нибудь вам написать, однако из-за мыслей о том, что вы лишь рассмеетесь, увидев это письмо, мое желание исчезало. Но раз я уже решилась, то ничего страшного, если вы не прочтете, я просто напишу это для самой себя...

Я без понятия какой мысли обо мне учителя сейчас, но думаю, может быть, они презирают меня. Честно говоря, я тоже их презираю, поэтому я не навещаю школу и не вижусь с учителями. Но разве это так плохо? Все же в некотором роде мне нравятся учителя, я не могу их ненавидеть... Я любила преподавателей, когда еще училась в школе и ничего не понимала, но со временем и приходом осознания, ваше отношение стало неприятным для меня. Это потому, что вы вели себя слишком высокомерно и презрительно, вы всегда обращались со мной, как с маленьким ребенком... Я была готова это терпеть, но это точно не показывало вас с хорошей стороны. Я осознавала это хорошо

Я знаю, что вы много трудились для моего дела, и я благодарна вам. Однако у меня есть претензии: вы показывали свою доброту не только мне, но и моим родителям на родине. Даже если у вас не было этих намерений, я считаю, что вы все равно хотели иметь хорошее впечатление о себе с двух сторон

Мне всегда казалось, что внутри вас борются два совершенно противоречивых чувства. Хотя вы можете этого не замечать, но они показываются отдельно и очень заметно от друг друга. Я начала вдумываться в это, когда слушала ваши лекции по этике на уроках, там это проявлялось ярче всего... Всякий раз, когда преподаватель приходил, он начинал обсуждать вещи по типу коррумпированности в обществе и подобное, и из-за этого мой мятеж в душе, направленный против социальных устоев, начал просыпаться с полусонного состояния. Мое самосознание росло постепенно, и когда я столкнулась с первым барьером на этом пути, я ударила по нему со всех сил, как и учил преподаватель. И то, что позже говорили мне учителя, также укрепляло мои мысли

А как насчет учителя, из уроков которого во мне проснулся бунт? Когда я задумываюсь об этом, мне становится слегка печально. Он, в конце концов, оказался неспособным жить, противостоя обществу. Однако, осознавал он это или нет, жизнь в согласии с социумом причиняла ему страдания. И эти страдания он выливал перед нами, ничего не понимающими учениками. Мы были всего лишь ничего не понимающими детьми... Теперь я понимаю, что не сумев стать обычным членом социума, постоянно страдая из-за него, он продолжал жить во его благо... Как только я вдумываюсь в это, я понимаю, что мне больше нечего ему сказать... Однако учитель воспринимает уже это обыденностью и просто игнорирует, не задумывается об этом, стараясь оставаться довольным. Но мне кажется, это идет ему же и на вред, интересно, почему он ведет себя именно так? И мне кажется, что я начала все понимать, читая его письма, адресованные другим. Учитель в одном письме написал:

«Я слишком эмоциональный, и это плохо! Короче говоря, до и после получения письма, я чувствовал совершенно разные чувства. У меня, склонного резко менять свое настроение, чувствуя в один момент вспыльчивость, а в другой — жалость, из-за которой я не могу нормально думать, есть вот такая инфантильная привычка...»

Также учитель написал еще:

«С давних пор я замечаю, что, когда я вижу любые недостатки людей, я сразу же высокомерно и презрительно к ним отношусь, постоянно ругаю и критикую. Я понимаю, что это совсем неуважительно, и я сожалею об этом...»

Однако, сколько бы преподаватель ни раскаивался, он остается таким же высокомерным. Я думаю, что он высокомерен к другим равносильно его надменности к самому себе. Плохая привычка не уважать других — это плохая привычка не уважать себя. Даже когда он говорит: «это проблема», то мне кажется, что он не очень обеспокоен этим. Забавно было наблюдать такое халатное отношение ко всему. Однако, даже несмотря на его слова о беспокойстве об этих привычках, он, похоже, написал что-то, что критикует отношение остальных учителей таким образом, что ставит его выше других. Я думаю, что у этого преподавателя просто не хватает настоящего самосознания... Даже если не говорить о самосознании, он не так тщательно задумывается над своей жизнью в этом плане

Когда учитель читал лекции, он старался всегда исключить моральные ценности, общество и традиции, однако когда дело доходило к практическим вопросам, он все равно включал их в речь. Он, насколько я понимаю, ненавидел шаблоны и всегда осуждал их. Но, мне кажется, жизнь его сама проходила в таком же шаблоне. Учитель судил людей, основываясь не на их индивидуальности, а на каком-то моральном эталоне, разделяя разум и чувства и оценивая их отдельно. Это очевидно, если прочитать то, что он написал в том же письме:

«Эмоциональность неизбежна! Это интересно, но это не станет обыденностью. Если следовать ей, могут возникнуть многочисленные трудности, и я прошу вас задуматься над этим. Например, в пьесе, где Хазуин прячет разыскиваемого Хираи Гонпачи. Это интересно в качестве выступления, но моральным примером это быть не может. Соответственно, возникают плохие последствия — противоречие разуму, логике и общественному порядку»

И обязательно ли людям постоянно смотреть на мораль, чтобы жить? Даже если человек учитель, я не думаю, что он никогда не противоречил нравственности. Я считаю, что мораль не считается правдой, и я верю, что Бог не создал бы никогда что-то такое ограничивающее, как мораль. Если ее придумали люди для собственного удобства, то и могут уничтожить для этого же удобства. Нравственные ценности, которые ограничивают или игнорируют человеческую природу, могут быть разрушены! Если мы не в состоянии ее разрушить, это одно, однако когда мы в состоянии — мы должны двигаться смело. Не нужно уступать ни на шаг ради того, что было создано для удобства... А те, кто не могут — боятся не саму нравственность, а ее последователей. Даже если учитель не признает тот великий авторитет, который существует в моральных ценностях, он просто боится неблагоприятных исходов, которые выльются на его жизнь с помощью силы общества, придерживающегося этой нравственности

«Я хочу ценить свободу всех, потому что я ценю свою свободу» — так сказал один из преподавателей, и этот учитель назвал эти слова красивыми. Однако я полагаю, что он не совсем правильно понял их... Ведь если бы у всех людей было такое сознание, ни одно из их собственных решений не мешало бы решениям остальных, а учителя такой расклад бы явно не устроил. Это не абсолютная свобода, ее нельзя получить никоим образом, однако можно получить что-то более к ней приближенное. Учитель также критиковал и других преподавателей и нас, потому что немного недооценивал то, Хотя мы сейчас и бедны, мы живем жизнью, близкой к той, которую учитель называл всего лишь фантазией. И у нас нет никаких противоречий или страданий, кроме общих мук, которыми страдают все. Теперь мы можем противостоять всем, не испытывая никаких ограничений! Скоро пройдет три года с того момента, как учитель заявлял нам это, но наша любовь не угасает. Несмотря на то, что я восстала против нравственности, это не сказалось на моей жизни. Я расту, продолжаю расти, и буду продолжать

Я не пытаюсь донести что-либо новое, но грустно осознавать то, что учитель постепенно остается позади времени. Я думаю, что это определенно связано с плохим положением учителя, и еще я думаю, что он боится за свою жизнь из-за этого

Учитель может рассмеяться или разозлиться, если я заявлю ему это, однако я не считаю, что мой ход мыслей ложный. Когда я была в школе, я с большим энтузиазмом вслушивалась в его лекции. И я многое не понимала, но я делала вид, что слушаю! И сейчас мне кажется это забавным, ведь я действительно ничего не понимала, и даже в это время, перечитывая его труды, я до сих пор многое не понимаю. Как бы я не вчитывалась в написанное, мне по-прежнему кажется, что лишь бессвязный набор слов. Эти слова казались мне безжизненными и лишенными реальности, и я не чувствую абсолютно никаких чувств при прочтении... И мне правда кажется, что каждое ваше слово лишь взято из какой-нибудь выдумки. Безусловно, он прекрасно понимал уродливость общественных устоев, но дальше этого он никогда не выходил, говоря обо всем несколько абстрактно. Когда мы еще учились, мы были детьми, и мы были практически слепыми [ничего не осознающими], и профессор улавливал какие-то поверхностные факты об обществе и страстно рассказывал нам о них, и мы, ничего не понимающие, впечатлялись...

Из дневников

1912, Источник: [здесь](#). Газета «Сэйто». Том 2, №12, январь и февраль 1912 года.

Девятый день.

Сегодня я, лежа на спине и сцепив пальцы на груди, смотрела в потолок, не думая ни о чем. Еще светлый, казалось бы, день, постепенно темнея, начал подходить к концу.

Днем до ушей членов нашей семьи от кого-то дошел слух, что Шябу убили в Мацубаре¹. Все выглядели нахмуренными.

Ласковый, с простодушными дружескими глазами, с густой и ухоженной, красивой шерстью... Он был хоть и старым, но послушным и милым псом... Я ощущала себя достаточно напряженно для того, чтобы из моих глаз каплями начали литься слезы.

Все остальные были в другой комнате и за едой то ли плакали из-за собаки, то ли смеялись. Я одна как будто была отброшена ото всех, и с одиноким чувством задумалась.

Таким образом я, ушедшая в уединение, закрыла свои уши от всего остального, защищая свое сокровенное пространство целый день. Я не слушала ту неприятную дурацкую суматоху, пробудившуюся в окружающих, и с застывшей душой в отчаянии обхватила руками свое тело в объятиях, пытаюсь глубоко и осмысленно о чем-либо подумать. По крайней мере, если бы я с заледеневшим сердцем и неперменным настроением продолжала размышлять, я думаю, смогла бы непременно смогла уловить какой-то смысл.

Холодный сумеречный воздух, появившийся из ниоткуда, на мгновенье начал пятнами просачиваться во внутрь комнаты, заполняя ее до тех пор, пока она полностью в нем не погрязла... И это затянуло еще в более тугий узел мои и так бессмысленные переживания. Я медленно закрыла глаза. Я не знаю, сколько еще времени хочу чувствовать спокойное погружение в эту атмосферу.

Газета «Сэйто». Том 2, №12, 2 января 1912 г.

Примечание: в оригинальном тексте □□ (□□□□ , мацубара) может быть как и названием города Мацубара в префектуре Осака, так и описанием сосновой рощи. Вполне вероятно, что Ноэ имела ввиду именно сосновый лес.